

ЛАНДШАФТ ВРЕМЕНИ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

Наше понимание времени является глубоко метафоричным. Говоря о времени, человек, как правило, прибегает к словам и выражениям, описывающим пространство и движение. Более того, люди часто представляют время (или себя) совершающим движение из прошлого, через настоящее, в будущее. В статье рассматривается влияние пространственной ориентации на наше понимание времени. На примере различных языков показывается преломление богатой когнитивной типологии пространства в темпоральной семантике.

THE LANDSCAPE OF TIME IN DIFFERENT CULTURES

Our understanding of time is essentially metaphoric. When speaking of time people will invariably make use of expressions of space and motion. Moreover, people commonly understand time (or themselves) as moving from the past via the present to the future. The article «The Landscape of Time in Different Cultures» considers the impact of spatial orientation on our understanding of time, it shows that the conceptual richness inherent in the spatial domain is typically found in conceptualizing time across languages.

Из всех научных абстракций, определяющих нашу жизнь, время, бесспорно, является самой неуловимой и самой притягательной. И хотя время не поддается прямому наблюдению, каждый из нас ощущает его власть, его незримое присутствие: «we feel its pulsing beat in our hearts and hear its silence in the precise ticking of a clock» [14, с. 7].

Практически в любом языке мира темпоральность выражается метафорически в терминах трехмерного пространства и движения: ср.: рус. яз. *за короткое время, в два часа, время идет (летит, ползет)*; англ. яз. *she finished the exam in two hours, the relationship lasted a long time, time flows on forever, time flies, the time for a decision has arrived, Christmas is approaching*; фр. яз. *à deux heures, le temps file, le temps passe vite*; нем. яз. *in einem Moment, eine Woche lang, die Zeit fliegt, für alte Menschen vergeht die Zeit scheinbar schneller*; эстон. яз. *aeg lendab* 'время летит'¹, *aegmoõdub* 'время идет'¹; бурят. яз. *эхи захагуй* 'время тянется', *углоо удэрынь болобо* 'наступил следующий день'; яз. Chinda!i (банту) *liingd yaakwáana ndyini* 'когда пришел девятый месяц'; турен. яз. *Zaman akipgitti* 'время пролетело', *Zaman çok hizh akiyor* 'время течет очень быстро'.

Метафорическое понимание времени в терминах пространства обусловлено биологически: визуальная система человека способна воспринимать объекты, локализующиеся и движущиеся в пространстве, но не способна воспринимать время, чем бы последнее не являлось. Наряду с био-

логической обусловленностью повсеместности метафоры «Время как Пространство» называется коммуникативная причина, — благодаря метафоре человек получает возможность думать и говорить о времени, которое является внутренним физиологическим опытом и практически не осознается [19]. Отсюда, как правило, заключают, что время — генетически более позднее понятие, чем пространство. Так, для первобытного человека слово *время* не имело значения, поскольку он не чувствовал в нем необходимости — время было, но он ничего о нем не знал [5]. В некоторых языках, таких как Tnuit в Гренландии, Inuktitut в Канаде слово *время* действительно отсутствует, темпоральность выражается другими лексемами, например, названиями времен года [9].

Все очевидные аспекты темпорального опыта — длительность, одновременность, настоящее, прошлое и будущее — рассматриваются в метафорических моделях относительно одного измерения, временной оси. Когнитивная типология пространства оказывается богаче, вмещающая три измерения — длину, высоту и ширину; к тому же объекты в пространстве обнаруживают самые разные формы, могут пребывать в покое или движении, а также могут восприниматься в качестве фиксированных точек отсчета или активных начал [19]. С позиций теории когнитивной метафоры, время копирует пространство. Как абстрактная идея, время — это результат вторичной концептуализации, это концепту-

альная область-мишень (*target domain*), которая «заимствует» посредством механизма концептуальной метафоры структуру области-источника (*source domain*), в том числе, необходимые для языкового овладения слова и выражения. Область-источник представляет собой набор семантически связанных конкретных сущностей, признаков, процессов и отношений, сохраняемых в долговременной памяти человека и выражаемых в языке с помощью различных языковых единиц, которые в лингвистике принято группировать в «лексические наборы» или «лексические поля». Конкретность предполагает то, что концептуальная область-источник является продуктом отображения внешнего сенсомоторного опыта индивида, например, восприятия движущихся объектов. Сторонники теории концептуальной метафоры уверяют, что, поскольку за абстрактными понятиями не скрывается непосредственный чувственный опыт, едва ли найдется абстрактное понятие, которое можно выразить, не прибегая к метафоре [8].

Метафорическое представление временных событий как внешних объектов приводит к тому, что человек в качестве дейктического центра ассоциирует настоящее с собой и с тем, что рядом, поскольку тело человека — это не просто объект, это центр мира [15]. Отсюда ощущения *здесь* и *сейчас* совпадают [10], прошлое, которое он видел и знает, оказывается у него за спиной (*back in 1900; прошлое осталось позади*), а будущее, предвкушаемая цель, локализуется перед его взором (*look forward to seeing you; впереди нас ждет счастливое будущее*). Пространственный опыт «впереди» перерабатывается в темпоральный концепт «будущее», а «позади» — в «прошлое» [9].

Время в сознании представителей различных культур отождествляется с разными пространственными координатами. То, что зачастую это горизонтальная ось, обусловлено биологически — человек изначально

передвигается вдоль горизонтальной оси вперед к своей цели. Однако время, представляемое в христианском мире как линия, прямой путь, — это еще и влияние христианской доктрины, унаследованной от иудейских верований. Это путь, у которого есть конечная цель — спасение души [6].

В настоящее время в литературе, посвященной проблеме концептуализации времени, обсуждаются две базовые когнитивные модели темпоральности, построенные на метафоре времени и движения и учитывающие позицию наблюдателя — «модель движущегося времени» и «модель движущегося Эго». Дж. Лакофф обозначил их как TIME PASSING IS MOTION OF AN OBJECT (moving time) и TIME PASSING IS MOTION OVER A LANDSCAPE (moving Ego) соответственно, считая их случаями общей метафоры — TIME PASSING IS MOTION [12]. Метафора «движущегося времени» построена на ассоциации времени (временных событий) с движущимся объектом. Она, как правило, предполагает неподвижного наблюдателя в качестве дейктического центра, относительно которого совершается движение: *Time flows by; время проходит мимо* (рис. 1). На рис. 1 темпоральные события /

Рис. 1. Модель движущегося времени

время изображены в виде темных квадратов; движение отображается стрелкой). В метафоре «движущегося Эго» дейктическим центром является само время (временное событие); при этом время ассоции-

Рис. 2. Модель движущегося его

руется с неподвижными вехами, верстами, относительно которых субъект осуществляет движение: *We are getting close to the start of the school year; две тысячи седьмой год остался позади* (рис. 2).

Есть культуры, в которых время ассоциируется с вертикальным измерением: ср. кит. яз. *shàngyuè* (букв. *высокий месяц*) означает 'прошлый месяц'; *xiàyuè* (букв. *низкий месяц*) означает 'следующий месяц'; кит. яз. мандарин *shàng-ban-tian* (букв. *высокая половина дня*) означает 'утро'; *xià-ban-tian* (букв. *низкая половина дня*) означает 'день'; *shàng-ban-yuè* (букв. *высокая половина месяца*) означает 'первая половина месяца'; *xià-ban-yuè* (букв. *низкая половина месяца*) означает 'вторая половина месяца' [221; яп. яз. *ita kara sanbyaku-ni sakanoboru, Edo-jidai dearu now Abl. 300-years ascend-back Conj. Edo-era be* (букв. *поднимаясь назад на 300 лет от сейчас, будет эра Эдо*). *Kamakura-jidai kara yonhyaku-nen kudaru to, Kamakuru-era Abl. 400 years descend Conj. Edo-era dearu be* (букв. *спускаясь на 400 лет от эры Камакура, будет эра Эдо*) [20]; бурят. ю:ундэр *наһатай* — 'преклонного возраста' (букв. *высокого возраста*), арбан *наһа дээшэ ябах* — 'старше на десять лет' (букв. *быть выше на десять лет*) [1].

Примеры показывают, что в сознании носителей этих языков более раннее, «старшее», событие оказывается выше более позднего, «молодого» (рис. 3). Считается, что в основе такой концептуализа-

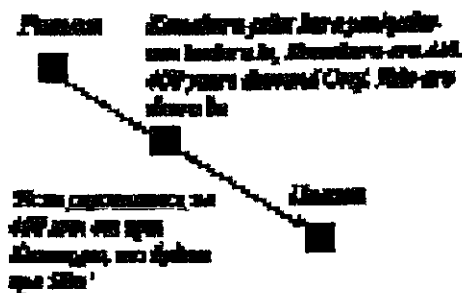

Рис. 3. Модель вертикального времени

ции лежит визуальный опыт склонов (slopes). Когда мы находимся на возвышении, сила гравитации заставляет нас двигаться (катиться) вниз. Движение занимает определенный промежуток времени, в котором крайние временные точки находятся в соотношении «выше/раньше — ниже/позже» [117]. Согласно другому мнению, в основе вертикальной концептуализации времени лежит механизм эмпирической корреляции: когда мы ложимся на живот и движемся вперед, наша голова оказывается впереди, как и у большинства других животных, в то же время голова ассоциируется у нас с верхом [22]. Для японской культуры соположение образов времени и символа горы (холма) является знаковым, так как горы являют собой наглядную презентацию одной из самых полисемантических ее мифологем. На ее формирование оказали влияние различные факторы, в том числе и религия: достаточно вспомнить изображения Будды, сходящего с гор, как образ внезапно открывающегося будущего [4]. Вертикальную модель времени в сознании китайцев связывают с культурной значимостью реки Янцзы [19].

В английском языке также есть примеры, воплощающие модель вертикального времени по типу «выше/раньше — ниже/позже»: *descendant* ('потомок'), *ascendant* ('предок' на генеалогическом древе); или *These stories have been passed down from generation to generation. This tradition has lasted down to the present day.* Однако по-английски нельзя сказать: * *This tradition will last down into the future,*

а только *This tradition will last into the future*; ср. кит. яз.: *xiaoyue* (букв. *низкий месяц*) означает 'следующий (будущий) месяц'. В следующих англоязычных примерах реализуется иная пространственная модель, когда наблюдатель (говорящий) оказывается и над прошлым, и над будущим: *The new year is coming up. This year went down in family history*. Такая концептуализация строится на антропоцентрической картине мира. Вместе с тем известны выражения, когда будущее помещается над потенциальным наблюдателем: *That's up in the future* [19]. Из приведенных примеров следует, что потенциальный наблюдатель, может располагаться не только на одном уровне с темпоральным событием (имеется в виду горизонтальная ось), но и выше, и ниже времен, причем как будущего, так и прошлого (рис. 4).

Что касается формы временной оси в образах различных лингвокультурных сознаний, то здесь можно выявить только два геометрических рисунка — прямую и окружность (рис. 5). В греческой классической традиции, а также в культуре ацтеков время ассоциировалось с кругом и имело циклический характер, так как связывалось с движением небесных светил. В современном мире также есть культуры, для которых время движется по кругу: индуистская, проповедующая реинкарнацию, малагаси (Malagasy) на о. Мадагаскар [9].

На основании изучения языкового ассоциативного поведения носителей ан-

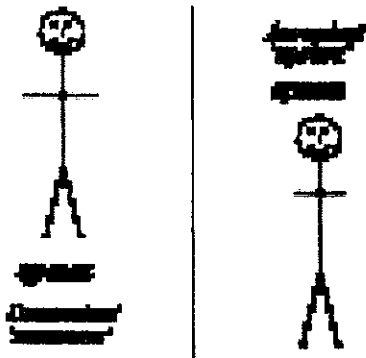

Рис. 4. Эгоцентрическая модель вертикального времени

Рис. 5. Модель циклического времени

лийского, русского и казахского языков, а именно на основании анализа их реакций на слова-стимулы, входящие в семантическое поле «Время» С. В. Дмитриук делает вывод о циклическом восприятии времени в сознании казахов, линейном — в сознании англичан и циркулярно-линейном — в сознании русских [3]. Однако представление о времени, претерпевающим движение по кругу, имеет место и в английском языке: *Christmas has come around again. Guided tours are offered year-round. Our shop is open round the clock. He slept round the day* [19].

Выше уже говорилось о том, что человек в качестве дейктического центра ассоциирует настоящее с собой и с тем, что рядом, будущее — с тем, что впереди, а прошлое — позади. По сведениям специалистов, большинство современных языков обнаруживают именно такую концептуальную картину времени. Однако в ряде языков, в основном архаичных, выявлено обратное положение дейктических времен относительно предполагаемого наблюдателя — с будущим позади и прошлым впереди (рис. 6). Такая необычная для европейца концептуализация времени зафиксирована в языках индейцев аймара

Рис. 6. Зеркальная модель времени

(Аутага), проживающих высоко в Андах на севере Чили, западе Боливии и юго-востоке Перу [16], тоба (Тоба) в Боливии [11], а также малагаси (Malagasy) на о. Мадагаскар [7]; есть также данные о концептуализации будущего позади в культуре Древнего Египта [18].

По мнению Е. А. Бардамовой (И, в древней системе мироздания человек двигался по вектору времени, как бы повернувшись к будущему спиной, в отличие от современного человека, обращенного в будущее: ср. бурят, яз. *урда жэлыиь* — 'в прошлом году' (букв. *вперед* году), *урданай саг* — 'в старину' (букв. *в передние годы*); яз. аймара *пауга* — 'прошлое' (букв. *перед, глаз*), *пауга титри* — 'прошлое время' (букв. *eye time, время перед глазами*), *пауга тага* — 'прошлый год' (букв. *год впереди*), *q'ira* — 'будущее' (букв. *зад, спина, сзади*), *q'ipi uru* — 'завтра' (букв. *back day, день за моей спиной*). Такая концептуализация, как правило, объясняется тем, что прошлое человек видел и знает, а будущее — нет [9].

Темпоральная картина народа тоба в Боливии оказывается еще более сложной для европейского сознания, сочетая «прошлое впереди» с идеей циклического времени, движущегося против часовой стрелки (рис. 7). Здесь настоящее также совпадает с наблюдателем, затем время совершает полукруговое движение и оказывается в

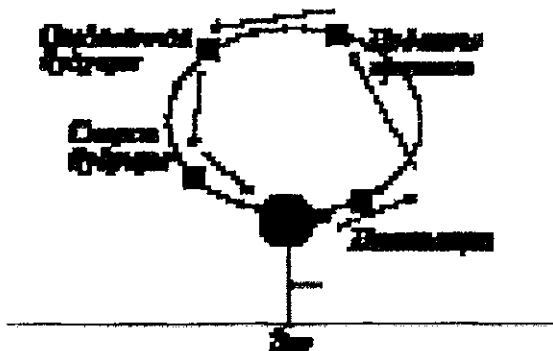

Рис. 7. Модель времени Тоба

недалеком прошлом, чтобы, описав еще один полукруг, скрыться из виду в отдаленном прошлом. И отдаленное прошлое, и отдаленное будущее оказываются как бы над затылком говорящего, так как будущее приходит сзади, также совершая круговое движение [11]. Любопытно, что и тоба, и аймара, говоря о будущем, оглядываются через левое плечо. Феномен «левого плеча» был также зафиксирован в неродственном индейском языке тао, на котором разговаривают в Taos Pueblo на севере штата Нью Мексико (США) [19].

Итак, многочисленные факты из разных языков наглядно демонстрируют, что самыми востребованными у темпоральной концептуальной области оказываются корпоральные отношения «перед — зад». Это обусловлено анатомией человеческого тела, навязывающего миру свою асимметричность, которой он не обладает, в отличие от оси «верх — низ» — здесь асимметричность тела совпадает с асимметричностью самого мира как результата гравитации. Что же касается корпоральных пространственных отношений «лево — право», то в них не усматривается очевидной асимметричности ни с точки зрения строения тела, ни с точки зрения внешнего мира [21]. Возможно, поэтому эта ось оказывается самой незначимой при концептуализации темпоральных отношений, о чем и свидетельствует отсутствие соответствующих языковых выражений. Очевидно, что человек навязывает свою архитектуру внешнему миру. Иными словами, пространственные характеристики стимула определяются прежде всего в терминах корпорального пространства [15].

Вместе с тем наш обзор отчетливо показывает, что понимание времени не может не быть обусловленным культурой, ибо представления человека о времени формировались на основе его практической и познавательной деятельности, которая всегда несла в себе национально-специфические черты, обусловленные историческими, религиозными, природно-

географическими, социально-бытовыми особенностями [3, с. 8]. Вариативность темпоральной картины, проявляющаяся в одном и том же языке, как, например, в случае с английским языком, свидетельствует о том, что, с одной стороны, культурный опыт вынужденно «откликается» на опыт общечеловеческий, биологический, опыт восприятия действительности, продуктом отображения которого в равной мере можно считать и время-линию и время-цикл. С другой стороны, редкий народ живет в вакууме, подвергаясь время от времени «культурным нашествиям со стороны».

Таким образом, мы видим, что понимание времени глубоко метафорично, и самым плодотворным источником темпоральной метафоры является пространство. Благодаря метафоре человек получает возможность думать и говорить о времени, которое, с феноменологической точки зрения, является внутренним физиологи-

ческим опытом и почти не осознается. Правда, идея о том, что темпоральный опыт — это реальный внутренний физиологический опыт, который предшествует концептуализации, разделяется не всеми специалистами в области когнитивной лингвистики и когнитивной науки в целом [19]. Ей противостоит *теория концептуальной (когнитивной) метафоры*, настаивающая на том, что время — это абстракция, выводимая сознанием из наблюдений за событиями окружающей действительности [13]. Научная дискуссия продолжается, но одно для нас не подлежит сомнению, и приведенные выше языковые факты это подтверждают — «любой образ, даже связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном материале, его всегда «исполняет» целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [2, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардамова Е. А. Время в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. — Архангельск: Поморский государственный университет, 2007. — Вып. 3. — С. 113—119.
2. Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. — 1993. — № 5. — С. 5—19.
3. Дмитрюк С. В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2001.
4. Костинская О. С. Концепт времени в японской картине мира // Вопросы психолингвистики. - 2006. - Вып. 3. - С. 103-114.
5. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Образ и действительность / Пер. с нем. — Мн.: ООО «Попурри», 1998..
6. Barnett J. Time's pendulum. — New York: Plenum Trade, 1998.
7. Dahl O. When the future comes from behind: Malagasy and other time concepts and some consequences for communication // International Journal of Intercultural Relations. — 1995. — Vol. 19. — P. 197-209.
8. Deignan A. Conceptual Metaphor Theory. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://creet.open.ac.uk/projects/metaphor-analysis/theories.cfm?paper=cmt>
9. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. — 286 p.
10. Gibson J. Events are perceivable but time is not // J.T. Fraser & N. Lawrence (Eds.), The Study of Time II: Proceedings of the second Conference of the International Society for the Study of Time, Lake Yamanaka, Japan. - Berlin: Springer-Verlag, 1975. — P. 295—301.
11. Klein H. E. M. The future precedes the past: Time in Toba // Word. - 1987. - Vol. 38. - P. 173-185.

12. *Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor // A. Ortony (Ed.). *Metaphor and thought* (2nd ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 202–251.
13. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by.* - Chicago: University of Chicago Press, 2003 (1980).
14. *Langone J.* *The mystery of time: Humanity's quest for order and measure.* — Washington, DC: National Geographic, 2000.
15. *Manjali F. D.* *Metaphor and space* // H. S. Gill (Ed.), *Signification in Language and Culture.* - Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2002. - P. 233-250.
16. *Miracle A., Yapita Moya J.* *Time and space in Aymara* // M. Hardman (Ed.), *The Aymara language and its social and cultural context.* — Gainesville, FL: University of Florida Press, 1981. — P. 33–56.
17. *Moore K. E.* *Spatial experience and temporal metaphors in Wolof: Point of view, conceptual mapping and linguistic practice: Doctoral dissertation.* — U. C. Berkeley, 2000.
18. *Nunez R., Sweetser E.* *With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time* // *Cognitive Science.* — 2006. — Vol. 30. - N° 3. - P. 401-450.
19. *Radden G.* The metaphor «Time as Space* across languages // N. Baumgarten, C. Bottger, M. Motz & J. Probst, (eds.), *Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung — das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online].* — Mei, 2003. — Jahrgang 8. — № 2/3. — S. 226–239. Verfügbar: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/Radden.pdf>.
20. *Shinohara K., Matsunaka Y.* *Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese* // F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Ed.), *Annual Review of Cognitive Linguistics.* - 2004. - Vol. 2. - P. 261-283.
21. *Tversky B.* *Functional significance of visuospatial representations* // P. Shah & A. Miyake (Eds.), *Handbook of higher-level visuospatial thinking.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 1-34.
22. *Yu N.* *The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese.* — Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 1998.